

УДК 364.65:159.922.767(476)«1944-1950»

**РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ
В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ (1944 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х ГОДОВ)****Е.Ю. ЗАНЬКО***(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)*

Одна из острых проблем жизни советского общества в первые годы после Великой Отечественной войны – проблема сиротства, уличной беспризорности как острого социального явления. Особую роль в борьбе с ней занимали детские дома, которые в условиях послевоенной разрухи нуждались в капитальном ремонте, снабжении инвентарем, продовольствием, квалифицированными кадрами. Рассмотрены социально-бытовые, организационно-кадровые, материально-экономические проблемы обустройства детей-сирот и методы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в западных областях БССР в 1944 – 1950-х гг. на примере Брестской области.

Введение. Последствия Великой Отечественной войны отразились на белорусских землях самым страшным образом: материальные и человеческие потери, массовое беженство, сотни тысяч сирот, безнадзорных и беспризорных детей.

Актуальностью проблемы детской беспризорности и безнадзорности после Великой Отечественной войны является то, что долгое время эта тема была закрытой для исследований, большинство вопросов являются дискуссионными и подход к их решению неоднозначен.

Целью данной работы является анализ общих проблем и задач, которые стояли перед Советским государством в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью как сложнейшим социальным явлением в послевоенный период в западных областях БССР на примере Брестской области.

Общей чертой белорусской историографии сиротства в 1944 – 1950-х гг. является отсутствие обобщающих трудов по истории детской беспризорности в БССР данного периода. Не обработаны материалы массовых источников, которые позволяют изучить состав и структуру беспризорников как социальной группы. В работах по истории народного образования в Белорусской ССР мало уделялось внимания организации воспитательного и образовательного процесса среди детей-сирот. Особое значение занимает труд И.М. Ильюшина [1], где содержатся данные по образованию детей-сирот в послевоенный период. Среди публикаций данной проблематики выделяется исследование Е.И. Пашкович [2], в котором рассматривается организация процесса создания учета и распределения детей-сирот, их положение, быт, помощь сиротам со стороны общественных организаций и государственных органов. В статье А.А. Савича [3] рассматриваются социально-экономические, учебно-методические и организационно-кадровые аспекты деятельности детских домов на примере Ивацевичского района в 1940-х – 1950-х гг. Статьи В.А. Данилова [4, 5] посвящены деятельности органов внутреннего правопорядка БССР в организации и развитии патроната детей-сирот в послевоенные годы. Результаты данного исследования получены в ходе обработки архивных материалов из фондов Государственного архива Брестской области, Национального архива Республики Беларусь, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Дети-сироты и решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области

В послевоенный период перед Советским государством встала первоочередная задача обустройства детей-сирот, организация детских домов, проведение мероприятий по учету беспризорных и безнадзорных детей, создания благоприятных условий для восстановления нормальной жизни детей, оставшихся без опеки родителей. В масштабах Советского государства проблема встала настолько остро, что СНК СССР в своем постановлении «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» от 15 июня 1943 г. поручил НКВД СССР организовать работу среди безнадзорных, беспризорных, а также лишившихся родителей детей и подростков [4, с. 54–55]. Главный упор делался не на усиление уголовной ответственности за совершенные преступления, а на меры воспитательного характера. Согласно постановлению в БССР были открыты две трудовые воспитательные колонии НКВД: в Могилеве на 350 мест и в Бобруйске на 200 мест [6, с. 218]. Борьба с детской беспризорностью, безнадзорностью и помощь детям-сиротам рассматривались как дело первостепенной государственной важности, основные обязанности по организационному обеспечению этой задачи возлагались на НКВД [5, с. 54–55].

Вопросами борьбы с преступностью несовершеннолетних до 1943 г. занимались все оперативные работники органов милиции, специального аппарата для этой цели создано не было [2, с. 218]. В июле 1943 г. по приказу № 0246 наркома внутренних дел СССР в органах милиции БССР создавались специальные структурные единицы – аппараты НКВД (УНКВД) по борьбе с детской беспризорностью, которые стали основой организационного обеспечения деятельности сотрудников НКВД по ликвидации массовой детской безнадзорности [5, с. 54–55]. Эти отделы при большой и систематической помощи со сто-

роны партийных, советских и общественных организаций проделали значительную, главным образом профилактическую работу, направленную на пресечение преступлений среди подростков [6, с. 218].

В соответствии с постановлением СНК ССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г., обязавшим Наркомпрос и НКВД СССР взять на себя основную заботу о детях-сиротах, в стране организовывались специальные детские дома и приемники-распределители для детей, родители которых погибли на фронтах и в партизанских отрядах. Необходимо было определить от 70 тыс. до 90 тыс. сирот [6, с. 217–218; 1, с. 337].

После начала освобождения территории Беларуси от оккупантов 12 октября 1943 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Согласно этому документу на вокзалах, рынках, магазинах организовывались специальные рейды с целью выявления беспризорных детей. Для этой работы привлекалась не только милиция, но и школьники старших классов, учителя, комсомольские организации. В городах открывались детские комнаты милиции. Исполкомами областных, районных и городских советов создавались комиссии по устройству детей-сирот, в состав которых входили заместитель председателя исполкома, председатели отдела народного образования, охраны здоровья, профсоюзных и комсомольских организаций, промышленных предприятий, колхозники, рабочие МТС, совхозов.

На 1 декабря 1944 г. по республике в органах народного образования на учете состояло более 46 000 детей-сирот, к концу 1945 г. – 64 000 [2, с. 189]. К началу декабря 1944 г. в Брестской области насчитывалось 1 452 ребенка-сироты. В марте 1945 г. по области было учтено 1 537 детей, оставшихся без родителей (в документах Брестского обкома КП(б)Б говорится про отсутствие точного учета детей-сирот в этот период, что дает основание предполагать, что цифры приуменьшены) [7, л. 66], в сентябре 1945 г. – 2 016, в марте 1949 г. – 1 740 [8, л. 9; 9, л. 44; 10, л. 20].

На местах устройством детей-сирот занимались районы и директора детских домов [9, л. 1]. Поставка продовольственных и промышленных товаров была возложена на торгующие организации (межрайторг, райпромкомбинат, строительные конторы и т.д.). Беспризорники направлялись в детские приемники-распределители НКВД. К августу 1944 г. сотрудниками милиции были организованы и начали действовать 19 детских приемников-распределителей НКВД. В ноябре 1944 г. действовало 20 из 28 запланированных правительством подобного рода учреждений. Больших усилий со стороны НКВД потребовало кадровое обеспечение приемников-распределителей. И хотя количественно к концу 1944 г. они были укомплектованы на 98% (373 человека), воспитательский состав сотрудников был в основном со средним образованием [4, с. 60]. К январю 1945 г. в республике действовало 18 таких учреждений с единовременным содержанием 1 200 детей, в т.ч. в Бресте и Пинске на 50 и 30 мест [11, л. 4]. За первый квартал 1947 г. органами МВД по изъятию и устройству беспризорных детей по Брестской области было задержано 467 и устроено 174 ребенка [12, л. 1]. Всего в республике в 1944–1946 гг. было организовано 32 детские комнаты милиции, через которые прошло 20 179 детей [4, с. 57].

В Брестский приемник-распределитель поступали дети в возрасте до 15 лет по следующим категориям: 1) дети, родители которых погибли на фронте, в партизанских отрядах, во время оккупации от рук немецко-фашистских захватчиков; 2) дети из других союзных республик (на 1945 г. они составляли 50%); 3) дети-репатрианты (начиная с 1945 г.); 4) дети, сбежавшие из детских домов; 5) дети, сбежавшие из дома (на 1948–1950 гг. они составляли более 50%); 6) дети репрессированных граждан (с 1948 г.) [13, л. 30]. Дети направлялись в приемники-распределители на двухнедельный срок. За это время им оказывали медицинскую помощь, устанавливали по возможности личность ребенка, после чего детей в возрасте до 14 лет распределяли в детские дома-колонии, отдавали на попечительство в семьи, детей старше 14 лет – трудоустроивали. Часто дети задерживались дольше 2-х недель, поэтому в приемниках необходимо было организовать учебно-воспитательную работу [2, с. 189]. За период с января по июль 1947 г. в детском приемнике-распределителе в Бресте побывало 346 детей [14, л. 15]. Помещения распределителя совершенно не соответствовали своему назначению, отсутствовало необходимое количество оборудования и инвентаря, одежды, постельного и нательного белья, обуви, что существенно отражалось на пропускной способности приемника и на своевременном устройстве детей-сирот. Плохо обстояло дело со снабжением продуктами, часто поставлялись овощи непригодные к употреблению [15, л. 5].

Такое положение дел было не только в Бресте. Например, в Коссовском районе Брестской области за первое полугодие 1947 г. было учтено 47 детей, которые остались без родителей, из них 29 – дети-сироты, родители которых погибли на войне, 46 определены в детский дом, 1 отдан под опеку. На 1 января 1948 г. на учете было 76 детей, которые остались без родителей, из них 63 – дети, родители которых погибли, 11 направлены в детский дом, 65 взято на патронаж родными или близкими. В детском доме находилось 220 детей [3, с. 28]. В целом по республике за период с 1943 г. по 1950 г. через детские приемники-распределители прошли 80 239 детей [2, с. 189].

Из приемников-распределителей большинство детей попадали в детские дома. Из 186 зданий детских домов, существовавших в республике до войны, оккупантами было полностью уничтожено 136,

уцелело 50 сильно поврежденных зданий. На 15 сентября 1945 г. в республике было открыты и работали 236 детских домов с общей численностью 24 204 воспитанника [16, л. 138]. На территории Брестской области до оккупации работало 9 детских домов (1 200 воспитанников), 3 из которых размещались в г. Бресте [17, л. 2]. К декабрю 1944 г. они были восстановлены и открыты 3 новых [8, л. 10]. В 1946 г. из 13 детских домов области 7 размещались в городах и райцентрах, 6 – в сельской местности, из них 3 – в бывших имениях. Только 3 детских дома размещались в пригодных помещениях, 10 – в приспособленных зданиях [18, л. 44]. Помощь в восстановлении детских домов оказывали подразделения Красной Армии. В феврале-марте 1944 г. силами тыловых частей I-го Белорусского фронта было восстановлено и оборудовано в освобожденных районах Беларуси 15 различных воспитательных учреждений. На строительство детских домов и приемников-распределителей направляли немецких военнопленных (например, в г. Барановичи) [2, с. 190].

Брестский детский дом начал работу 2 августа 1944 г. Из-за отсутствия финансовых средств ремонт сводился к тому, что окна забивались фанерой, помещения оставались неутепленными, не были проведены электричество и водоснабжение. Не хватало мебели, прежде всего кроватей. Дети спали по 3-4 человека на одной кровати и на полу [19, л. 130]. Не хватало одеял, простыней, одежды, обуви. Большинство детей Брестского дома, прежде всего дошкольники, ходило босиком – на всех 144 воспитанников было 2 пары обуви, которые носили по очереди. Были случаи, когда дети ели из консервных банок (г. Кобрин). В Высоковском детском доме на 120 воспитанников было только 15 мисок [2, с. 191]. Из-за нехватки мебели и инвентаря дети питались в 5 смен (Малечский детский дом в Пружанском районе) [15, л. 2].

Одна из самых острых проблем послевоенных лет – обеспечение питанием. Дети в детских домах недоедали. Поставки продуктов и других товаров не выполнялись в полном объеме. В некоторых детдомах (Жабинковском, Коссовском, Березовском) дети были сильно истощены. Торгующие организации на местах безответственно относились к снабжению детских домов: выделяемые фонды полностью не отоваривались, во многих случаях часто заменялись продуктами низкого качества (межрайторг г. Бреста, райпотребсоюз г. Береза), разворовывались [20, л. 247]. Приведем пример (не самый худший) меню Брестского детского дома в 1944 г.: завтрак – чай с хлебом, обед – суп, ужин – суп. Были случаи, когда на завтрак варили муку на воде. Одна из бывших воспитанниц Брестского детского дома вспоминала: «...запало в памяти, как дети ложились на землю и прикладывали ухо – не гудит ли грузовик, который привозит хлеб? А конфеты, коричневые такие, наподобие подушечек. Спрессуешь их несколько штук в ладошке и потом, как самое дорогое сокровище, бережешь этот сладкий ком» [2, с. 191].

Во многих детдомах, особенно в Каменецком и Домачевском, дети питались за счет продуктов, которые приносили местные жители. В Малечском детском доме дети не получали хлеба по 2-3 дня, за счет детского дома питались члены семьи директора детского дома, завуч и другие лица. Несмотря на получение из подсобного хозяйства дополнительных продуктов питания (убой 10 свиней, 2 коров, 2 верблюдов), дети недоедали и ходили в деревню просить милостыню, собирали на поле гнилой картофель и пекли из него лепешки [15, л. 2].

В приказе Брестского облоно от 1 декабря 1948 г. были озвучены результаты очередной ревизии, которая прошла в Коссовском детском доме. Утверждалось, что детский дом к зиме не подготовлен, ремонт помещений не окончен, нет топлива. В учреждении большая скученность – около 60 воспитанников спали по двое на одной кровати, при этом выделенные на ремонт и расширение помещений средства в сумме 80 тыс. рублей не были освоены. Постельное белье было грязным, воспитанники обмундированы плохо. Во время проверки было выявлено, что работники детского дома пользовались казенными постельными принадлежностями, инвентарем и мебелью, получали бесплатное питание за счет детей-сирот, которое было недостаточным по своей калорийности. Как результат такого положения, в 1948 г. из детского дома было совершено 32 побега. В отчете отмечалось, что директор детского дома, совместно с бухгалтером встали на путь укрытия бюджетных средств. Еще 29 апреля 1948 г. ревизия выявила бесхозяйственное отношение к сохранности овощей, в результате чего сгнило 24 878 кг картофеля и 300 кг огурцов, за что директор получил строгий выговор, хотя и был назначен на должность директора только 15 марта 1948 г. [3, с. 27–28].

Из-за плохого питания и антисанитарных условий дети в детских домах часто болели корью, скарлатиной, туберкулезом, рахитом, страдали малокровием. Сироты находились в запущенном и тяжелом состоянии: дети из Каменецкого детского дома 5 месяцев не были в бане [21, л. 140], в Домачевском детском доме свыше 30 человек болели золотухой, стригущим лишаем, были завшивлены [22, л. 15]. Медицинское обслуживание было неудовлетворительным, в большинстве случаев не были прикреплены врачи и медсестры. Больницы с неохотой принимали больных из детских домов, за лечение требовали продукты [9, л. 35].

В это время детские дома были охвачены опасным заболеванием – трахомой, которое начало приобретать размеры эпидемии. Например, в Коссовском детском доме в результате плохого, нетщательного медицинского осмотра было зафиксировано 32 случая трахомы. Возможно, что из-за этого резко снизи-

лась успеваемость: из 163 учеников 26 отстающих. В 1951 г. по Брестской области было выявлено 66 больных трахомой, при этом 47 детей было из Коссовского детского дома. Массовая вспышка трахомы объяснялась неправильной диагностикой со стороны областного врача-окулиста, который неоднократно проводил в Коссовском детском доме осмотр детей, но отрицал наличие трахомы. Брестское облоно вынуждено было организовать трахоматозный изолятор при Коссовском детском доме. Однако лечение осуществлялось таким образом, что количество больных не уменьшалось, а увеличилось до 77 детей. Неэффективность лечения трахомы объяснялась тем, что Брестский облздрав не закрепил постоянного врача для изолятора, а установил систему откомандирования врачей в Коссовский детский дом на 1 месяц по очереди. Характерным было то, что разные врачи по-разному выявляли степень заболевания. По распоряжению Министерства просвещения БССР 24 воспитанника Коссовского детского дома с наиболее тяжелыми симптомами заболевания были направлены в трахоматозный детский дом Барановичской области. Однако комиссия, созданная Барановичским облздравотделом, признала всех детей здоровыми, и их отправили назад. Вызванная для окончательной консультации комиссия Министерства здравоохранения во главе с профессором Т.А. Бирич признала детей больными трахомой. После такого происшествия в детских домах были созданы профилактические прививки, в том числе от оспы, дифтерии. Была упорядочена медицинская документация, более регулярными стали медицинские осмотры детей. Были созданы изоляторы, построены бани [3, с. 30–31].

Многие воспитанники детских домов не посещали школу (в том числе из-за отсутствия обуви и верхней одежды). Успеваемость детдомовцев была низкой. Положение осложняла нехватка учебников, письменных принадлежностей (табл. 1).

Таблица 1

Потребности учебников для детдомов по западным областям БССР на 1945/46 учебный год

Название области	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	6 класс	7 класс
Полесская	900	800	900	500	65	35	10
Гродненская	250	200	180	175	25	13	8
Молодечненская	227	245	130	109	13	7	7
Пинская	855	380	455	255	31	18	7
Барановичская	554	430	200	164	26	14	10
Брестская	404	280	150	116	27	13	10
	3 190	2 335	2 015	1 319	218	100	52
Итого 9 229							
Всего по республике: 23914							

Источник: [16, л. 3].

Анализ сведений таблицы 1 позволяет сделать вывод, что обеспеченность учебной литературой в западных областях республики была лучшей по сравнению с другими областями БССР. Несмотря на это, особо остро в учебных принадлежностях нуждалась Брестская область (в современных границах) и в первую очередь начальная школа.

Все основное время дети были предоставлены сами себе или занимались хозяйственными работами. Вследствие чего в первом полугодии 1948/1949 учебного г. из 1462 воспитанников детдомов Брестской области, обучающихся в школах, 122 числились неуспевающими, 70 были не аттестованы. Особенно большая неуспеваемость была в Коссовском, Каменецком, Березовском, Антопольском, Пружанском детдомах [10, л. 20].

Согласно отчету Брестского облоно основными задачами в 1947/1948 учебном г. являлись коренное улучшение обучения детей, снижение до минимума второгодников, дальнейшее улучшение воспитательной работы в детских домах (воспитание нравственных качеств культуры поведения, культурно-гигиенических привычек), укрепление материально-технической базы, упорядочение учета имущества и борьба с хищениями, разбазариванием государственных ценностей, улучшение бытовых условий, ликвидация скученности, повышение общей культуры в детских домах. Помимо этого, большое внимание уделялось политическому, патриотическому, интернациональному воспитанию детей [3, с. 27]. Поэтому в детских домах активно развертывали свою деятельность пионерские и комсомольские организации, проводилось идеологическое воспитание. На территории Брестской области из 350 воспитанников детских домов школьного возраста на январь 1945 г. 170 являлись пионерами, а 7 – комсомольцами. Встречались случаи, когда дети не воспринимали советскую идеологию, отказывались петь гимн Советского Союза, носить пионерские галстуки (Кобринский детский дом). В архивных документах отмечены случаи, что в Брестском детском доме дети носили крестики, прятали в кроватях иконки, молитвенники, говорили: «Мы молились и остались живы», «При немцах жилось лучше, мы ходили сами по себе добывать пищу» [2, с. 191].

Долгое время в детских домах нерешенным был кадровый вопрос. Из всех воспитателей детских домов в Брестской области только 15 имели 5–7 летнее образование, а директора впервые работали в подобных учреждениях (табл. 2). В 1944 г. в Брестском детском доме работало лишь 4 воспитателя [18, л. 44], в 1951 г. – 7, хотя по плану требовалось 9 [23, л. 44]. В период с 1944 по 1946 гг. на должности директора детдома сменилось 6 человек [2, с. 191].

Таблица 2

Положение с кадрами в детдомах по Брестской области по состоянию на 20 мая 1951 г.

Занимаемая должность	Всего	Образование				Стаж работы (лет)				Партийность	
		высшее	н/высшее	среднее	н/з среднее	до 5	5–10	10–20	свыше 20	член и канд. ВКП(б)	член ВЛКСМ
Директор	15	–	6	9	–	–	6	9	–	13	–
Завуч	14	1	1	12	–	5	2	7	–	2	2
Воспитатель	104	4	3	82	15	85	10	9	–	7	38

Источник: [23, л. 39].

Особо плачевно дело обстояло с кадрами с высшим образованием, воспитателей со средним специальным образованием в процентном соотношении было больше, в среднем со стажем от 10 лет.

В соответствии с постановлением СНК БССР от 27 апреля 1945 г. в Брестской области существующие детские дома были преобразованы в специальные детские дома с общей численностью воспитанников 400 человек (Брестский – 160, Кобринский – 140, Пружанский – 100), расширен существующий детский приемник в г. Бресте до 75 детей. В спецдома принимались дети дошкольного и школьного возраста от 3 до 13 лет, родители которых служили в рядах Красной Армии или были партизанами, подпольщиками и погибли от рук немецко-фашистских захватчиков [24, л. 170].

Однако это преобразование никоим образом не улучшило ситуацию. В справке «О состоянии учебно-воспитательной работы Брестского спецдома № 1» от 27 ноября 1951 г. отмечалось, что методическая работа в спецдоме поставлена слабо, предметные кружки не созданы, низкая успеваемость и дисциплина. Из 130 учеников – неуспевающих 24 человека (19%). Не все дети были обеспечены учебниками, не хватало чернил. Тетради, учебные пособия содержались в плохом состоянии. Воспитатели не следили за внешним видом детей: прически у девочек были растрепанные, руки не мылись, платья, костюмы были грязные и рваные. Беседы на санитарные темы не проводились, плохо была поставлена работа по физическому воспитанию. Раздевалки для воспитателей отсутствовали, поэтому они были вынуждены ходить по помещению в верхней одежде. Отмечалась большая текучесть кадров [23, л. 79–85].

Наиболее широкое распространение устройства детей-сирот в семьях трудящихся получила такая форма, как патронирование. В мае-июне 1945 г. была выработана правительственная программа, направленная на укрепление и развитие патроната. Она предусматривала организацию точного учета детей-сирот и принятие широкомасштабных мер с целью усиления государственной и общественной помощи семьям, воспитывающим детей, оставшихся без родителей. 13 июня 1945 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли постановление «О мероприятиях по улучшению материально-бытового положения детей сирот». Семьям, взявшим на патронат ребенка, государство предоставляло продовольственные товары и денежное пособие в размере 50 рублей. В это же время проводилась активная общественная работа по организации сбора денежных средств, созданию фондов помощи, устройству благотворительных базаров, вечеров, концертов творческих коллективов, открытию бесплатных столовых и магазинов для патронированных и инвалидов (табл. 3). В 1947 г. комитеты Красного Креста направили на оплату школьных завтраков около 1,5 млн руб., собранных в качестве пожертвований [2, с. 190]. Если в 1944 г. под опекой и на попечительстве находилось 2 277 детей, и было усыновлено 354, то на патронате насчитывалось 18 407 человек [1, с. 338]. На 1 июня 1945 г. в республике на патронате состояло 19 000 детей, на 1 ноября 1946 г. из 138 000 детей-сирот 53 113 детей находилось на патронате [2, с. 190].

Таблица 3

Дети-сироты, взятые на патронат и под опеку в Брестской области 1944 – 1947 гг.:

	На декабрь 1944 г.	На март 1945 г.	На декабрь 1946 г.	На апрель 1947 г.
Всего детей-сирот	1 452	1 537	3 000	1 337
Детей-сирот на патронате и под опекой	400	742	1 084	1 249

Источник: [8, л. 9; 25, л. 3; 9, л. 44; 15, л. 1].

Такие небольшие цифры взятых под опеку детей говорят о том, что советские власти редко передавали детей-сирот родным и близким, потому как не были уверены в благонадежности местного насе-

ления, основную массу которого первоначально до осуществления коллективизации в Западной Беларуси составляли крестьяне-единоличники, которые не проявляли большой заинтересованности в строительстве социалистической колхозно-совхозной жизни. Поэтому советское государство доверяло воспитание детей государственным учреждениям – детским домам, которые должны были проводить организационно-воспитательную работу в коммунистическом духе [3, с. 31]. Большую роль сыграли и материально-бытовые условия жизни детей-сирот, находящихся на воспитании в семьях, которые, как правило, были тяжелыми. Во многих семьях, особенно в западной части БССР, патронированных детей рассматривали как бесплатную рабочую силу [5, с. 10]. Дети батрачили, работали в хозяйстве, нанимались пастухами, вследствие чего не посещали школы [26, л. 13]. После одной из проверок в апреле 1947 г. по Жабинковскому, Кобринскому, Пружанскому, Березовскому районам 71 ребенок был изъят из патроната и переведен в детские дома. В Березовском районе в течение 9 месяцев не выплачивалось госпособие по патронату, не выдавались детям-сиротам положенные горячие завтраки, продукты питания (Кобринский район) [27, л. 23]. Потребность в подобных проверках диктовалась рядом причин: некоторые граждане брали детей-сирот на патронат, руководствуясь меркантильными соображениями, другие не имели возможности обеспечить надлежащих условий проживания и питания, часть детей-сирот из-за недоработки органов народного просвещения на местах не была учтена. Вследствие этого участились факты попадания в приемники-распределители НКВД детей, бежавших из приемных семей [5, с. 9]. Всего по БССР в январе – июне 1947 г. органами милиции были сняты с патроната и направлены в детские дома из-за плохих материальных условий 832 ребенка [5, с. 10].

Случаи усыновления были редкими: до марта 1945 г. по Брестской области было усыновлено 14 детей, к концу 1946 г. – 50 детей. Иногда родители сами отдавали своих детей в детские дома, будучи не в состоянии обеспечить им нормальные условия жизни. Так, например, в Дом ребенка в г. Пинске должны были направляться круглые сироты, дети одиноких матерей и только в исключительных случаях дети болящих матерей. Но из-за отсутствия в городе круглосуточных яслей и бедственного материального положения населения в Доме ребенка находились дети из полных семей. Значительная часть детей поступала в течение первой недели жизни [2, с. 190].

В 1947 г. вышел приказ министра путей сообщения СССР И.В. Ковалева № 420-с «О прекращении передвижения беспризорных и безнадзорных детей по железнодорожному транспорту», согласно которому при проверке станции Брест-Восточный было выявлено, что в 7 вагонах, находящихся в тупике, проживало 15 семей (приехавших из Смоленской, Брянской и других областей), имеющих 25 детей в возрасте до 17 лет. Дети нищенствовали, не посещали школу. Со стороны железнодорожной администрации не было принято мер к их определению [15, л. 5].

Долгое время руководство железнодорожной станции Брест-Центральный не обращало внимания на большое скопление безнадзорных детей на Брестском вокзале, которые занимали для проживания в помещении вокзала 2 комнаты. Территория привокзальной площади была переполнена безнадзорными подростками, которые первыми встречали проходящие из-за границы поезда, попрошайничали, торговали папиросами, занимались воровством, нанимались местными носильщиками для уборки вокзальных помещений [28, л. 11–12].

Трудность, с которой столкнулись органы милиции в борьбе с детской беспризорностью, заключалась еще и в том, что многие дети попадали под влияние уголовников-рецидивистов и становились на путь уголовных преступлений. В подвалах и на чердаках ютились сотни подростков-сирот [6, с. 218]. Для работы по их выявлению существенную роль сыграло привлечение к этому процессу общественности – бригады содействия милиции (БСМ). Члены БСМ активно участвовали в обходах и рейдах на улицах, базарах, вокзалах и других общественных местах с целью изъятия бездомных детей, работали в комнатах милиции. Так, в первом квартале 1947 г. из доставленных в приемники-распределители 2 602 детей 579 было изъято территориальной, 1 692 транспортной милицией, 331 бригадной милицией [4, с. 57].

При проведении ревизий в детских домах часто вскрывались случаи хищения государственных средств, использования служебного положения директоров для принуждения к сожительству воспитанниц, применения физической силы в качестве воспитательного воздействия на детей [23, л. 35]. К уголовной ответственности привлекались не только работники, руководители детских домов, но и воспитанники. В августе 1950 г. в Блуденском детском доме (Березовский район) имел место случай хищения (путем взлома потолка в складе детского дома) воспитанником, который был осужден на 10 лет лишения свободы. Однако согласно применению по отношению к нему ст. 51 УК БССР наказание было смягчено до 2 лет, учитывая его 14-летний возраст [29, с. 444–445; 23, л. 35]. В Антопольском детском доме два воспитанника совершили кражу обмундирования детского дома, воспитанник детского дома № 1 г. Бреста совершил кражу мотоцикла. Принимая во внимание, что арест и привлечение к уголовной ответственности были нецелесообразны в виду их несовершеннолетия, этих подростков направили в детскую воспитательную трудовую колонию для приобретения трудовой квалификации [23, л. 35–36]. Часто покинувшие патронатную семью дети становились на путь бродяжничества и преступлений. Только в 1945 г. было зарегистрировано 800 преступлений, в основном краж, совершенных беспризорниками, из которых были раскрыты 792, к уголовной ответственности привлечены 923 несовершеннолетних [5, с. 9].

Со второй половины 1945 г. начали поступать дети-репатрианты. За годы войны из Беларуси было вывезено в Германию 24 180 детей, вернулись только 6 607. Считая, что многие из них в Германии могли воспитываться в шпионско-диверсионных школах, службы НКВД таких детей рекомендовали направлять в детские трудовые колонии. На территории Брестской области детей-репатриантов направляли в специальные детские дома в Сигневичах и Малече. Ярким примером отношения к таким детям служит выдержка из записки инспектора школьного отдела секретарю Брестского обкома комсомола от 28 ноября 1945 г.: «Дети, прибывшие с репатриантами, подходят к трудовым колониям, а не к воспитанию в детском доме. Необходимо немедленно этих детей направить по назначению» [2, с. 192].

Для улучшения материально-бытовых условий жизни детей-сирот государство привлекало силы общественности. Широкая помощь по организации помощи детям-сиротам началась с марта 1944 г. Были задействованы товарищества Красного Креста (в июле 1945 г. областное общество Красного Креста провело вещевую лотерею, кружечный сбор и все средства перечислило в Фонд помощи детям-сиротам) [7, л. 67], женские советы, комсомольские организации. Так, в октябре-ноябре 1945 г. Высоковский и Брестский райкомы комсомола организовали сборы продуктов питания среди населения и передали Брестскому детдому 1 500 кг ржи, 120 кг гороха и фасоли, 300 кг крупы, 500 штук яиц, 8 штук кур, 10 кг масла [9, л. 35]. В день 25-летия комсомола БССР детям вручали подарки [18, л. 140]. В 1947 г. Брестский обком ЛКСМБ каждому детскому дому области передал библиотечки стоимостью по 500 руб. каждая, 26 гитар. Сельские комсомольские организации засеяли 85 га земли в фонд помощи детям-сиротам, комсомольская организация в г. Бресте выдала 300 вещевых подарков, 150 шерстяных и 100 хлопчатобумажных костюмов, 56 пар ботинок. В Березовском, Шерешевском, Коссовском районах детским домам передали 300 кг черники, Брестскому спецдому 100 кг варенья [15, л. 1]. Значительную помощь детским домам в изыскании дополнительных денежных средств оказывали попечительские советы, которые стали создаваться с 1944 г.

Помощь детям-сиротам в БССР приходила также из-за рубежа. Красным Крестом США было направлено около 5 000 пальто, головных уборов, 24 000 предметов верхней одежды, 89 000 метров ткани. Администрация ООН по вопросам помощи и восстановления после соответствующего обращения Советского правительства предоставила 10 млн долл., из которых 8 млн долл. были потрачены на закупку в США мясных консервов и другого продовольствия для детей-сирот в БССР. Всего Национальный комитет США по оказанию помощи странам, пострадавшим от германской агрессии, предоставил 100 000 долл. в качестве помощи детям республики [2, с. 192].

Судя по документам проверок, к осени 1945 г. положение в детских домах несколько улучшилось. В соответствии с постановлением Брестского обкома КП(б)Б от 29 марта 1945 г. большинство детских домов завели подсобные хозяйства, построили бани, организовали работу мастерских. В среднем на каждый детский дом в июле 1945 г. приходилось по 9–10 га пахотной земли для сенокоса [2, с. 192]. При Брестском детском доме № 1 работали 3 мастерских: сапожная, столярная, швейная. Девочек учили шить на швейных машинках, кроить. В детдоме работали кружки – хоровой, танцевальный, физкультурный. Силами воспитанников и работников детского дома велось свое подсобное хозяйство, состоящее из скота и 9 га земли [30, л. 30]. В распоряжении приемника-распределителя в г. Бресте помимо пахотной земли был разбит фруктовый сад, построены овощехранилище и парники [11, л. 4]. В 1951 г. Коссовский детский дом имел надел земли, который использовался не только под полевые и огородные культуры, сенокос, но и для учебных целей [3, с. 29]. Подсобные хозяйства помогали решать проблему с питанием, но с течением времени поголовье скота уменьшалось, т.к. не хватало кормов, семена это приводило к тому, что хозяйства становились убыточными.

В докладной о положении детских домов Брестской области на 1 марта 1949 г. отмечалось, что в Коссовском, Березовском, Пружанском, Шерешевском детских домах отсутствуют помещения для умывания, воспитанники умываются в коридорах и других непригодных помещениях из кружек, так как нет умывальников [3, с. 29].

Со временем сеть детских домов расширялась. Детский дом был открыт в каждом районе Брестской области, а в Кобринском и Пружанском районах работали по два детских дома. В 1948 г. в Бресте действовало 2 детских дома (в том числе дошкольный), в 1949 г. в городе работали 3 детских дома, в которых воспитывалось 280 детей. Всего же по Брестской области на 1949 г. насчитывалось 15 детских домов с общей численностью 1 826 воспитанников. На территории Пинской области в 1947 г. действовало 13 детских домов (1 035 воспитанников), Барановичской области в 1946 г. – 21 детский дом (2 325 воспитанников) [2, с. 193]. В 1950 г. в БССР уже функционировал 301 детский дом (в том числе 99 специальных), в которых воспитывались 36 000 детей (в том числе 12 556 в специальных) [2, с. 192].

Выводы. Великая Отечественная война стала основной причиной сиротства детей, что повлекло и ужесточило методы работы и борьбы с беспризорниками и вовлечение в организацию детских домов широких слоев населения. Советские государственные органы приложили максимум усилий для ликвидации детской беспризорности и безнадзорности с широким привлечением общественных и государственных учреждений, органов милиции и НКВД. Детей-сирот благоустраивали путем организации приемников-распределителей, детских домов, через систему патроната. Решение этой проблемы сопровож-

далось множеством трудностей и недостатков: послевоенная разруха, голод, антисанитария, нехватка промышленных и продовольственных товаров, отсутствие квалифицированных кадров, бюрократия и халатное отношение к своим обязанностям людей, которым поручали обездоленных детей. Благодаря целенаправленной организационно-кадровой политике борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью к началу 1950-х гг. улучшилось экономическое положение в стране, материально-техническая база детских домов, жизнь ребенка в патронированной семье и детских учреждениях. Таким образом, детская беспризорность и безнадзорность как социально-экономическое явление в Брестской области к концу 1950-х гг. была ликвидирована.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильюшин, И.М. Народное образование в Белорусской ССР / И.М. Ильюшин. – Минск : Учпедгиз БССР, 1961. – 439 с.
2. Пашкович, Е.И. Проблема детской беспризорности в послевоенные годы и пути ее решения в Брестской области / Е.И. Пашкович // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 65-летию победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне; Брест, 27–28 сент. 2010 г. / Брест. гос. техн. ун-т ; ред.: А.В. Мошук [и др.] – Брест, 2010. – С. 189–193.
3. Савіч, А.А. Дзічачыя дамы на тэрыторыі Івацэвіцкага раёна ў другой палове 1940-х – 1950-я гады / А.А. Савіч // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2. – 2010. – № 2. – С. 27–32.
4. Данилов, В.А. Организационные основы борьбы НКВД-МВД Беларуси с детской безнадзорностью и беспризорностью во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1944-1947 гг.) / В.А. Данилов // Милиция Беларуси 90 лет: история и современность / редкол.: К.И. Барвинок (отв. ред.) А.Ф. Вишневский, В.А. Кучинский. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2007. – 218 с.
5. Данилов, В.А. Участие милиции Беларуси в организации и развитии патроната детей-сирот в послевоенные годы (1944–1950 гг.) / В.А. Данилов // Вестн. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 2009. – № 1 (17). – С. 7–11.
6. Очерки истории милиции Белорусской ССР / М-во внутр. дел БССР, Мин. высш. шк. милиции МВД СССР. – Минск : Беларусь, 1987. – 534 с.
7. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 18.
8. ГАБО. – Ф. 25. Оп. 1. Д. 57.
9. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 213.
10. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 6. Д. 35.
11. ГАБО. – Ф. Р-783. Оп.1. Д.7.
12. ГАБО. – Ф. 815. Оп. 54. Д. 40.
13. ГАБО. – Ф. 25. Оп. 1. Д. 73.
14. ГАБО. – Ф. 25. Оп. 4. Д. 122.
15. ГАБО. – Ф. 815. Оп. 4. Д. 40.
16. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 4-П. Оп. 17. Д. 31.
17. ГАБО. – Ф. 815. Оп. 4. Д. 18.
18. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 3. Д. 291.
19. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 11.
20. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 11.
21. НАРБ. – Ф. 4-П. Оп. 17. Д. 20.
22. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 27.
23. НАРБ. – Ф. 4-П. Оп. 47. Д. 333.
24. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 14.
25. ГАБО. – Ф. Р-1096. Оп. 1. Д. 4.
26. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 34.
27. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 40.
28. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 64.
29. Советская жизнь. 1945 – 1953 / МГУ им. М.В. Ломоносова, фак. гос. упр. и др. – М. : Росспан, 2003. – 719 с.
30. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 3. Д. 219.

Поступила 25.03.2015

**SOLVING THE PROBLEM OF CHILD ABANDONMENT AND NEGLECT IN
THE BREST REGION (1944 – THE FIRST HALF OF THE 1950 S)**

E. ZANKO

One of the most pressing issues that the Soviet Union faced in the post-war years was orphanhood and homelessness among children. Orphanages played a special role in combating this serious social phenomenon, but being amid the postwar devastation, they needed extensive repairs, supplies and equipment, food and qualified staff. This article considers the social, organizational, staffing problems, and economic issues connected with care for orphans and methods of dealing with child neglect and homelessness in the western regions of the BSSR in 1940-1950s through the example of the Brest Region.